

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СИНОДАЛЬНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ КОМИССИИ

по Совместному заявлению

Православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу

«Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» (Братислава, 2–9. 11. 2006)

Во исполнение поручения, данного Богословской комиссии Русской Православной Церкви Священным Синодом (Журнал заседания Священного Синода № 133 от 26 декабря 2006 года), Богословская комиссия на своих пленарных заседаниях 4 октября и 25–26 декабря 2007 года рассмотрела Совместное заявление православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» (Братислава, 2–9. 11. 2006). По запросу Богословской комиссии отзывы на этот документ были представлены Московской духовной академией, Санкт-Петербургской Духовной академией, Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом, Издательским советом Русской Православной Церкви и Церковно-научным центром «Православная энциклопедия» (приложения №№ 1, 2, 3, 4, 5). Секретариатом комиссии была также подготовлена историческая справка, прилагаемая к настоящему документу (приложение 6).

Результаты изучения документа и дискуссии, состоявшейся на пленарном заседании Богословской комиссии 4 октября 2007 года, сводятся к следующему.

1. Суть веры Церкви в присутствие Господа Иисуса Христа в Святых Дарах заключена в словах церковной молитвы перед Святым Причащением:

Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз. Еще верую, яко сие есть самое пречистое Тело Твое, и сия есть самая честная Кровь Твоя.

— или, в переводе на современный русский язык, «Верую... что это — *само* Твое Пречистое Тело и *сама* Твоя Пречистая Кровь».

Для выражения своей веры в действительное тождество Евхаристических Даров и Тела и Крови Христовых — в то, что Дары суть *само Тело* и *сама Кровь*, — святые отцы использовали разные термины и разные аналогии. Наиболее известный из этих терминов — *преложение*, греч. μεταβολή. Особенно важен этот термин еще и потому, что в чине Божественной литургии свт. Иоанна Златоуста в молении об освящении Даров употреблена соответствующая этому термину глагольная форма *преложив*, греч. μεταβαλὼν.

В период полемики с протестантизмом Православной Церковью было соборно принято употребление термина «пресуществление». Это произошло на Иерусалимском Соборе 1672 г. и Константинопольском Соборе 1691 г. В частности, последний Собор подвергает противников термина «пресуществление» самым строгим каноническим прещениям; решения Собора были реципированы Русской Православной Церковью и включены в Догматическое послание Патриарха Московского и всея Руси Адриана (см. Приложение № 5. С. 3–4; БТ. 2007. Сб. 41. С. 133–145). С этого времени термин «пресуществление» становится обычным в православной евхаристологии, несмотря на то, что некоторые православные богословы воздерживались от его употребления.

Употребление в православном богословии термина «пресуществление» не является попыткой рационально объяснить тайну Евхаристии. В «Послании восточных Патриархов», основанном на Деяниях Иерусалимского Собора 1672 г., подчеркнуто: «Веруем, что словом *пресуществление* **не объясняется образ**, которым хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Господню, ибо сего нельзя постичь никому, кроме Самого Бога, и усилия желающих постичь сие могут быть следствием только безумия и нечестия; но [этим словом] показывается только то, что хлеб и вино, по освящении, прелагаются в Тело и Кровь Господню не образно, не преизбытком благодати, не сообщением или наитием единой Божественности Единородного, и не случайная какая-либо принадлежность хлеба и вина прелагается в случайную принадлежность Тела и Крови Христовой, каким-либо изменением или смешением, но, как выше сказано, истинно, действительно и существенно хлеб бывает самым истинным Телом Господним, а вино — самой Кровью Господней»¹.

Итак, в Евхаристии хлеб и вино прелагаются, пресуществляются в Тело и Кровь Христовы – то есть меняют свою сущность, перестают быть хлебом и вином, сохраняя все свои внешние признаки (συμβεβηκότα). Тем самым, то, что хлеб и вино после преложения (пресуществления) меняют свою сущность (природу), не следует вульгарно понимать в смысле изменения их вещественных свойств. Как говорит святитель Кирилл Иерусалимский, «видимый хлеб не есть хлеб, хотя вкусом чувствуется, но Тело Христово; и видимое вино не есть вино, но Кровь Христова»².

2. Рассмотренный документ православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви» (Братислава, 2–9. 11. 2006) представляет собой попытку вкратце описать православное и лютеранское учения о Евхаристии, а также, по возможности, выявить их сходства и различия.

¹ Догматические послания православных иерархов XVII–XIX веков о Православной вере. Троице-Сергиева Лавра, 1995. С. 180–181.

² Святитель Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. М., 1991. С. 332.

В частности, в документе раскрывается содержание учения о том, что во время Евхаристии хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христовыми. Составители документа с православной стороны так объясняют суть происходящего:

«Церковь приносит хлеб и вино, соединяемые с Телом и Кровью Христа через анамнесис и изменяемые через союз с превознесенным и обоженным человечеством Христа через действие Святого Духа (эпиклесис)» (подпункт 2.с).

Далее в документе православная сторона отрицает сущностное изменение Евхаристических хлеба и вина:

«Хлеб и вино не утрачивают своей сущности (φύσις), сакраментально становясь Телом и Кровью Христа» (подпункт 4.с).

Тем самым, «изменение через союз», о котором говорится в подпункте 2.с документа, не меняет сами хлеб и вино в их сущности.

В таком изложении православное учение о Евхаристии представляется очень близким к лютеранскому: составители документа с православной стороны нигде не говорят о сущностном изменении Святых Даров, используя термины «соединение» и «союз», неприемлемые для выражения православного учения о Евхаристии, а также аналогию соединения евхаристических даров и человеческой природы Христа с единением человеческой и Божественной природ Христа в Боговоплощении.

«Как в христологии две природы соединены ипостасно, так в Евхаристии прославленное человеческое Тело Христа и «вместообразная» – хлеб и вино – сакраментально соединены действием Святого Духа» (подпункт 6.b).

3. Документ также содержит целый ряд богословских положений, близких древним евхаристологическим заблуждениям.

С одной стороны, его авторы справедливо замечают, что

«православные исповедуют действительное преложение (μεταβολή) хлеба и вина в Тело и Кровь Христа» (подпункт 4.b),

и это утверждение отражает традиционную православную точку зрения. Они также совершенно правильно настаивают на том, что невозможно

«в отношении этой тайны мы не можем ответить на вопрос “как?”» (подпункт 2.d).

С другой стороны, в пункте 4.b утверждается, что преложение «не означает “пресуществления” сущности хлеба и вина в сущность обоженного человечества Христова...»

Приведенное положение не соответствует православному, а имеет параллели в *несторианском* учении о Евхаристии.

В частности, о соединении хлеба и вина с Телом и Кровью Христа, при полном сохранении у хлеба и вина их первоначальной природы, учил Несторий:

«Когда Он [Спаситель] сказал о хлебе: “Сие есть Тело Мое”, он не сказал, что хлеб — это не хлеб, и что Тело — это не Тело, но Он сказал, указывая на хлеб и на Тело, которое [остается] в [своей] сущности (οὐσία). Но мы убеждены, что хлеб [Евхаристии] — хлеб по природе и по сущности. Однако в вере, что хлеб есть Его Тело — не по природе, а по вере, — Он хочет убедить нас верить в то, что существует не в [своей] сущности, в то, что становится другим по вере, а не по сущности» (*Несторий*. Книга Гераклида. 449).

В осужденном Пятым Вселенским Собором диалоге блж. Феодорита Кирского «Эранис» содержится утверждение о сохранении у хлеба и вина их природы и сущности вопреки тем, кто говорит о «преложении в другую природу» (εἰς ἑτέραν φύσιν μεταβολήν):

«*Эранист* [этим именем обозначены неумеренные последователи свт. Кирилла Александрийского, в первую очередь, Евтихий Константинопольский]: Символы Владычного Тела и Крови таковы лишь до священнического призывания (ἐπικλήσεως), после же призывания они **прелагаются** (μεταβάλλεται) и становятся другими...

— *Ортодокс* [т.е. сам блж. Феодорит]: ... **Нет**, и после освящения таинственные символы не выходят из своей природы (φύσεως), ибо остаются в первоначальной сущности (οὐσίας) и образе, и виде; и созерцаются, и осязаются такими же, как были. Тем же, чем стали, помышляются и веруются... Итак, сравни образ (εἰκόνα) с прообразом (ἀρχετύπω) и узри подобие» (PG. 83. Col. 168).

Нетрудно заметить здесь близкое сходство с процитированными выше рассуждениями Нестория. Следует обратить особое внимание на то, что для блж. Феодорита отказ от веры в изменение природы Святых Даров тождественен отказу от веры в *преложение*.

Наконец, вышеприведенное утверждение рассматриваемого документа:

«Церковь приносит хлеб и вино, соединяемые с Телом и Кровью Христа через анамнесис и изменяемые через союз с превознесенным и обоженным человечеством Христа через действие Святого Духа (эпиклесис)» (подпункт 2.с) —

предполагает совершенно новое учение не о единократном, а о двойном, «поэтапном» освящении Даров: сначала «через анамнесис» (когда, согласно документу, происходит «соединение») и затем «через эпиклесис» (когда, согласно документу, происходит «действие Святого Духа»).

4. Вышеупомянутые и многие другие положения документа выражены весьма расплывчато и допускают взаимоисключающие толкования разными участниками диалога. Документ выдержан в духе конвергенции и компромисса, он создает иллюзию единства и согласия за счет игнорирования и замалчивания реальных различий, выяснение которых является не менее важной задачей диалога, чем поиск сходных вероучительных положений.

На присутствующие в документе уступки лютеранскому учению о Евхаристии обращается внимание в отзыве на документ православно-лютеранской комиссии, представленном Московской Духовной академией: «Православные участники совещания в догматическом плане сделали очень большой шаг навстречу лютеранским теологам. Несомненно больше, чем их партнеры по диалогу, которые ни в чем принципиальном не отступили от своих евхаристических представлений XVI в., сформулированных в их символических книгах («Большой катехизис» Лютера (1529 г.), «Апология Аугсбургского исповедания» (1530 г.) и «Формула согласия» (1580 г.)). Компромисс православных участников совещания сколь велик, столь и неожиданен и явно заступает за грань догматических положений Православной Церкви. Позиция православной стороны выглядит непоследовательной и дискредитирует Православную Церковь. Сравнительно недавно на подобных встречах православные богословы заявляли противоположные взгляды» (Приложение № 1. С. 18–19).

5. Приведенные утверждения документа противоречат высказываниям представителей Русской Православной Церкви в ходе православно-лютеранского диалога.

Позиция о твердом следовании Русской Православной Церкви вере в сущностное изменение евхаристических Даров была многократно озвучена в ходе диалогов с лютеранами. Так, по результатам первого собеседования в рамках диалога Русской Православной Церкви с Евангелическо-Лютеранской Церковью Финляндии, проходившего в г. Турку с 19 по 22 марта 1970 года, было принято Резюме, в котором утверждалось расхождение в понимании лютеранами и православными «истины... о существенном присутствии в Евхаристии

Богочеловека Христа Его Телом и Кровью под видом хлеба и вина»³. С православной стороны документ был подписан возглавлявшим русскую делегацию епископом Дмитровским Филаретом, ректором Московской Духовной Академии (ныне — митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх Всея Беларуси, Председатель Синодальной Богословской комиссии).

В приложенном к документу докладе епископа Астраханского и Енотаевского Михаила сказано буквально следующее: «В то время как исторические Церкви — Православная, Римско-Католическая и дохалкидонские — исповедуют реальное пресуществление хлеба и вина в истинное Тело и истинную Кровь Иисуса Христа, протестантские Церкви при всем разнообразии их евхаристических доктрин, отрицают субстанциальный, вещественный характер присутствия Тела и Крови под видами хлеба и вина»⁴. Там же отмечалось: «Попытки найти существенное различие между двумя учениями [католическим и православным] на базе применения терминов “пресуществление” (transsubstantiatio) на Западе и “претворение” или “преложение” на Востоке следует отнести на счет полемического задора, ибо никто еще никогда не мог указать, в чем именно состоит различие между этими словами. Раскрытие их содержания всегда доказывало их синонимичность»⁵.

По результатам второго собеседования с Евангелическо-Лютеранской Церковью Финляндии, проходившего в Троице-Сергиевой лавре с 12 по 16 декабря 1971 года, было принято Резюме, подписанное с православной стороны архиепископом Дмитровским Филаретом, ректором Московской Духовной Академии; в Резюме говорилось следующее: «Согласно православному учению, хлеб и вино в Евхаристии существенно прелагаются в Тело и Кровь Христову. Это существенное изменение остается в Святах Дарах неотъемлемо и независимо от их употребления»⁶.

На шестом собеседовании с Евангелическо-Лютеранской Церковью в Германии («Арнольдсхайн-VI»), проходившем в Троице-Сергиевой Лавре с 26 по 29 ноября 1973 года, было особо подчеркнуто «твердое следование» Русской Православной Церкви «учению о пресуществлении»⁷.

6. Резюмируя сказанное, следует заключить, что изложение православной позиции, представленное в Совместном заявлении православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу «Тайна Церкви: Святая Евхаристия в жизни Церкви», по ряду

³ БТ. 1971. Сб. 7. С. 213.

⁴ Там же. С. 229.

⁵ БТ. 1971. Сб. 7. С. 229. Прим. 1.

⁶ ЖМП. 1972. № 2. С. 57; БТ. 1973. Сб. 11. С. 164; ЖМП. 1980. № 8. С. 60.

⁷ ЖМП. 1974. № 1. С. 55–68.

важнейших вопросов богословия Евхаристии не соответствует традиционному учению Православной Церкви.

Историческая справка:

Православное учение об образе присутствия Христа в Святых Дарах

Суть веры Церкви в присутствие Господа Иисуса Христа в Святых Дарах заключена в словах церковной молитвы перед Святым Причащением:

Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз. Еще верую, яко сие есть самое пречистое Тело Твое, и сия есть самая честная Кровь Твоя.

— или, в переводе на современный русский язык, «Верую... что это — *само* Твое Пречистое Тело и *сама* Твоя Пречистая Кровь».

Для выражения своей веры в действительное тождество Евхаристических Даров и Тела и Крови Христовых — в то, что Дары суть *само Тело* и *сама Кровь*, — святые отцы использовали разные термины и разные аналогии. Наиболее известный из этих терминов — *преложение*, греч. μεταβολή. Особенно важен этот термин еще и потому, что в чине Божественной литургии свт. Иоанна Златоуста в молении об освящении Даров употреблена соответствующая этому термину глагольная форма *преложив*, греч. μεταβάλων.

Слово *преложение* как термин восходит к философии Аристотеля, в сочинениях которого термин μεταβολή встречается десятки раз. В частности, в четвертой главе второй книги трактата «О душе» Аристотель, рассуждая о способности живых существ принимать пищу, указывает на то, что «пища... *прелагается* и переваривается (τροφήν... μεταβάλλειν καὶ πέττεσθαι)» в сущность питающегося ею, тогда как сущность питающегося при этом сохраняется (τροφή σώζει γὰρ τὴν οὐσίαν)⁸. Благодаря Аристотелю термин μεταβολή до настоящего времени используется медициной для обозначения процесса пищеварения — «*метаболизма*».

Мысль Аристотеля о том, что живые существа, принимая пищу, сохраняют свою сущность, тогда как сущность пищи превращается (т. е. «прелагается») и перестает существовать, была хорошо известна людям античной культуры. Поэтому свт. Григорий Нисский, говоря о тайне Евхаристии в своем «Большом огласительном слове», использовал именно эту аналогию для ответа на вопрос о том, как может воскресшее Тело Спасителя, оставаясь неизменным, одновременно присутствовать в каждой частице Святых Даров:

⁸ Ross W. D. Aristotle. De anima. Oxford, 1961. 416a–b; рус. пер.: Аристотель. Сочинения в четырех томах. М., 1976. Т. 1. С. 403–404.

«Надлежит рассмотреть, как стало возможно, что одно это Тело, в целой вселенной всегда разделяемое стольким тысячам верных, в каждом из части делается целым, и само в себе также пребывает целым... Как Бог-Слово вступило в единение с естеством человеческим и, будучи в нашем теле, не иной какой новый состав устроило естеству человеческому, но обыкновенными и приличными средствами продолжало существование Тела Своего, снедью и питьем поддерживая его самостоятельное существование [ὑπόστασιν] — снедью же был хлеб; то поэтому — как и в отношении нас [самих можно сказать, что]... кто видит хлеб, тот некоторым образом видит человеческое тело, потому что хлеб, будучи в теле, делается телом, — так и там богоприемное Тело, принимавшее в пищу хлеб, в некотором отношении было с ним одно и то же: по причине, как сказано, пищи, преложенной в естество Тела. Ибо что свойственно всякой плоти, то признано и об оной Плоти, а именно, что и оное Тело поддерживалось хлебом. Но как то Тело вселением Бога-Слова было претворено в Божественное достоинство, не без основания веруем, что так и теперь хлеб, освящаемый Божиим Словом, претворяется в Тело Бога-Слова» (гл. 37)⁹.

Иными словами, хлеб, становясь Телом Христовым через преложение, перестает быть хлебом, но Тело Христово от этого не претерпевает никакого изменения — говоря это, святитель указывает на известную его образованным слушателям аристотелевскую мысль.

Слова свт. Григория Нисского были частично воспроизведены прп. Иоанном Дамаскиным в его «Точном изложении православной веры» (4. 13)¹⁰ и поэтому стали классикой православного учения о таинстве Евхаристии. Однако упомянутую аналогию с аристотелевским *преложением* нельзя понимать как объяснение той тайны, которая происходит в Евхаристии. Чудесным образом хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христовыми, сохраняя при этом все качества хлеба и вина — объяснить эту тайну невозможно, можно лишь указать на нее при помощи аналогии.

В истории Церкви, однако, известен целый ряд попыток объяснить эту тайну при помощи того или иного рационального способа — от полного отрицания евхаристического преложения, при котором Евхаристия понимается только как символ или простое человеческое воспоминание Тайной вечери (или, шире, вообще трапез Господа с учениками), до утверждения полного сохранения у хлеба его сущности при одновременном «принятии его в ипостась Бога-Слова» (лат. *impanatio*) или утверждения о его соединении, тем или иным

⁹ Греч. текст и рус. пер.: свт. Григорий Нисский. Большое огласительное слово. К., 2003. С. 276–283.

¹⁰ Die Schriften des Johannes von Damaskos / B. Kotter, hrsg. Berlin, 1973. Bd. 2. S. 191–197. (Patristische Texte und Studien; 12). Рус. пер.: Точное изложение православной веры: творение св. Иоанна Дамаскина. СПб., 1894; М., 1992^р. С. 218–226.

способом, с Телом и Кровью Спасителя (лат. consubstantiatio). Следует остановиться на некоторых из этих попыток рационализировать Таинство.

В частности, о соединении хлеба и вина с Телом и Кровью Христа, при полном сохранении у хлеба и вина их первоначальной природы, учил Несторий:

«Когда Он [Спаситель] сказал о хлебе: “Сие есть Тело Мое”, он не сказал, что хлеб — это не хлеб, и что Тело — это не Тело, но Он сказал, указывая на хлеб и на Тело, которое [остается] в [своей] сущности (οὐσία). Но мы убеждены, что хлеб [Евхаристии] — хлеб по природе и по сущности. Однако в вере, что хлеб есть Его Тело — не по природе, а по вере, — Он хочет убедить нас верить в то, что существует не в [своей] сущности, в то, что становится другим по вере, а не по сущности» (Несторий. Книга Гераклида. 449)¹¹.

Такая евхаристология Нестория прямо вытекала из его еретической христологии — так, в другом месте он писал:

«Своей *prosopon* Он [Бог-Слово] сделал плоть... так что те, кто видят плоть, [видят] также Бога: подобно тому, как и в хлебе Тело — так что те, кто видят хлеб, также [видят] Тело, ибо он сделал [хлеб] его *prosopon*» (Несторий. Книга Гераклида. 81)¹².

Иными словами, как человечество Спасителя было, по Несторию, отделено от Божества и представляло собой *prosopon* («личину») Бога, так и хлеб и вино Евхаристии суть лишь *prosopon* человеческой природы Христа. И христология, и евхаристология Нестория были категорически отвергнуты свт. Кириллом Александрийским; в частности, евхаристологии Нестория свт. Кирилл посвятил, помимо прочего, свой 11-й анафематизм.

Идеи Нестория оказали влияние на богословие противника свт. Кирилла, блж. Феодорита Кирского. В «Эранисте» блж. Феодорита содержится утверждение о сохранении у хлеба и вина их природы и сущности вопреки тем, кто говорит о преложении Св. Даров. После слов своего воображаемого оппонента о «преложении в другую природу» (εἰς ἑτέραν φύσιν μεταβολήν) блж. Феодорит приводит следующие реплики:

«Эранист [этим именем обозначены неумеренные последователи свт. Кирилла Александрийского; в первую очередь, Евтихий Константинопольский]: Символы

¹¹ Nestoris. Bazaar of Heracleides / G. R. Driver, L. Hodgson, ed. & transl. Oxford. 1925. P. 328–329.

¹² Ibid. P. 55.

Владычного Тела и Крови таковы лишь до священнического призывания (ἐπικλήσεως), после же призывания они **предлагаются** (μεταβάλλεται) и становятся другими...

— *Ортодокс [т. е. сам блж. Феодорит]: ... Нет, и после освящения таинственные символы не выходят из своей природы (φύσεως), ибо остаются в первоначальной сущности (οὐσίας) и образе, и виде; и созерцаются, и осязаются такими же, как были. Тем же, чем стали, помышляются и веруются... Итак, сравни образ (εἰκόνα) с прообразом (ἀρχετύπῳ) и узри подобие»¹³.*

Нетрудно заметить здесь близкое сходство с процитированными выше рассуждениями Нестория. Следует обратить особое внимание на то, что для блж. Феодорита отказ от веры в изменение природы Св. Даров тождественен отказу от веры в *преложение*. При этом такой отказ влечет за собой понимание Евхаристических Даров только лишь как «помышляемого» образа и подобия Тела и Крови Спасителя.

Многие цитаты из «Эраниста» буквально повторяются в тексте, озаглавленном как «Послание к Кесарию»; здесь, в том числе, имеется и соответствующее евхаристическое рассуждение: «Когда Божественная благодать освятит [хлеб] через посредство священника, то он уже не называется хлебом, но достойно называется Телом Господним, хотя естество (natura¹⁴) хлеба в нем остается»¹⁵. Этот текст в латинской рукописи приписан свт. Иоанну Златоусту; впрочем, очевидная литературная зависимость «Послания к Кесарию» от «Эраниста» блж. Феодорита, а главное — полное противоречие евхаристологии «Послания к Кесарию» евхаристологии несомненно подлинных произведений свт. Иоанна Златоуста (которые, как известно, отличаются порой даже чрезмерным натурализмом в понимании евхаристического превращения¹⁶) давным-давно убедили патрологов в невозможности атрибуции «Послания к Кесарии» Златоустому святителю — уже даже в «Патрологии» Миня «Послание к Кесарию» включено в категорию «Spuria». В церковной традиции свт. Иоанн Златоуст — это защитник учения о преложении *par excellence*, так как в надписанной именно его именем анафоре содержится моление о преложении Даров; с позицией блж. Феодорита Кирского и «Послания к Кесарию» это моление несовместимо.

¹³ PG. 83. Col. 168.

¹⁴ Соответствующий фрагмент сохранился только по латыни, и греческого слова φύσις в нем поэтому нет.

¹⁵ PG. 52. Col. 758.

¹⁶ См.: Кириллов А. А. Догматическое учение о таинстве Евхаристии в творениях св. Иоанна Златоуста // Христианское чтение. Санкт-Петербург, 1896. Вып. 1. С. 26–52; Вып. 3. С. 545–572.

Помимо блж. Феодорита Кирского, утверждение о сохранении у евхаристических хлеба и вина их первоначальной природы и сущности содержится в сочинениях целого ряда несторианских богословов¹⁷. Так, Бабай Великий писал:

«Как человечество Его [Христа] есть с Тем [с Божеством Сына] один Сын..., так и хлеб [Евхаристии] понимается в том смысле, что через пришествие Духа он становится Телом Господа нашего через союз и благодать, не по природе»¹⁸.

Эта же мысль содержится в несторианском толковании на литургию:

«Хлеб и вино суть Тело и Кровь Христовы через союз и таинство, а по природе — хлеб и вино»¹⁹.

Недаром некоторые творения блж. Феодорита были осуждены на Пятом Вселенском Соборе за несторианские тенденции. Помимо блж. Феодорита и автора «Послания к Кесарию», как сказано в отзыве на документ православно-лютеранской комиссии, представленном Церковно-научным центром «Православная энциклопедия», «ни один из святых отцов не высказывался в пользу отрицания существенного изменения евхаристических Даров, и при этом весьма многие, напротив, прямо его подчеркивали» (Приложение № 6. С. 14).

Далее, о Евхаристии как о символе, или образе («иконе», εἰκών — ср. с процитированными выше словами блж. Феодорита), Тела Христова учили иконоборцы, опиравшиеся в этом, в частности, на факт использования термина «вместообразная» (греч. ἀντίτυπα) в анафоре Божественной литургии свт. Василия Великого. В отзыве на документ православно-лютеранской комиссии, представленном Церковно-научным центром «Православная энциклопедия», об этом сказано следующее: «В ранней Церкви этим словом, действительно, могли называть уже освященные Дары [из чего, разумеется, еще не следовало их противопоставление истинным Телу и Крови Христовым]²⁰. Однако уже к VI в. термин «вместообразная» оказался скомпрометирован — не потому, что он плох сам по себе, а потому, что мог использоваться для ложных интерпретаций. Уже в *Apophthegmata Patrum* среди изречений аввы Даниила Фаранского содержится рассказ о чуде, которое произошло со старцем, ошибочно утверждавшем, что Св. Дары — это не само Тело Христово, «но лишь

¹⁷ См.: Jugie M. *Theologia dogmatica christianorum orientalium ab Ecclesia catholica dissidentium*. P., 1935. Т. 5. Р. 295–318; Bruns P. *Aspekte nestorianischer Eucharistielehre*: доклад на 15-й Международной Оксфордской Патристической конференции 2007 г. // *Studia Patristica*. Leuven, 2008 [в печати].

¹⁸ CSCO. 61. Р. 181.

¹⁹ CSCO. 91. Р. 62.

²⁰ См.: Ткаченко А. А. Вместообразная // ПЭ. 2004. Т. 8. С. 130.

‘вместообразная’» [Aprophthegmata Patrum. Авва Даниил 7]²¹. Прп. Анастасий Синаит в ответ на обвинения еретиков-гаинитов категорически отказывается от того, чтобы называть «вместообразными» уже освященные Дары [Путеводитель 23]²². Прп. Иоанн Дамаскин писал:

«Если же некоторые и называли хлеб и вино *вместообразными* Тела и Крови Господней, как, например, богоносный Василий в литургии, то называли так это приношение не *по* освящении, но *до* освящения... Хлеб и вино **не есть** образ Тела и Крови Христа (да не будет!), **но само** обоженное Тело Господа» [Точное изложение православной веры 4. 13]²³.

Процитированные слова прп. Иоанна были прямо направлены против иконоборцев, которые утверждали, что евхаристические Дары — не сами Тело и Кровь, а только их образ [греч. εἰκών]²⁴... Вопреки иконоборцам, на Седьмом Вселенском Соборе было утверждено, что Св. Дары не суть образ, но сами Тело и Кровь Христовы; в качестве авторитетных подтверждений этому в Деяниях Собора [VI. 3] были использованы именно те слова прп. Иоанна о смысле термина «вместообразная», которые были только что процитированы» (Приложение № 6. С. 12–13).

Итак, то предложенное прпп. Анастасием Синаитом и Иоанном Дамаскиным толкование текста анафоры свт. Василия Великого, при котором используемое в этой литургии слово «вместообразная» применяется только к Дарам *до* их освящения, но ни в коем случае не *после*, после принятия его Вселенским Собором стало в Православной Церкви общеобязательным.

Учение об impanatio («вохлеблении», «принятии в ипостась») хлеба и вина Христом, но не их превращении в Его Тело и Кровь, развивал на Западе в XI веке Беренгарий Турский и его последователи. В эпоху Реформации учение об impanatio было принято некоторыми группами протестантов — в том числе, частью лютеран. К этому учению близка евхаристология прот. Сергия Булгакова, непосредственно вытекающая из его своеобразного учения о предвечной Софии — софиологии, которая, как известно, встретила самые серьезные возражения со стороны В. Н. Лосского, архиеп. Серафима (Соболева) и других православных богословов (см. Приложение № 6. С. 11–12). Официальные лютеранские представления о Евхаристии

²¹ PG. 65. Col. 157.

²² PG. 89. Col. 297.

²³ Die Schriften des Johannes von Damaskos / B. Kotter, hrsg. Berlin, 1973. Bd. 2. S. 191–197. (Patristische Texte und Studien; 12).

²⁴ См.: Gero S. The Eucharistic Doctrine of the Byzantine Iconoclasts and Its Sources // Byzantinische Zeitschrift. München, 1975. Bd. 68. S. 4–22.

подразумевают веру в consubstantiatio («со-существование») — западное еретическое учение, соответствующее несторианской евхаристологии.

Именно борьбой с учениями об impanatio и consubstantiatio обусловлена канонизация в Римско-Католической Церкви учения о transsubstantiatio («пресуществлении», греч. μετασώωσις), состоящее в признании превращения сущностей хлеба и вина в сущности Тела и Крови Христовых при одновременном сохранении акциденций хлеба и вина.

Более радикальное, чем impanatio и consubstantiatio, евхаристическое учение было предложено Жаном Кальвином, отказавшимся признать какую-либо связь между находящимися на земле евхаристическими хлебом и вином и находящимися на небе Телом и Кровью Христовыми; свое учение Кальвин обосновывал невозможностью для одного и того же Тела находиться в разных местах одновременно. Кальвинистская евхаристология повлияла на англиканскую — упомянутый аргумент Кальвина составил т. н. «черную рубрику» англиканской Книги общих молитв, запрещающую почитание Святых Даров, а клятва об отказе признать пресуществление была включена в присягу английских королей²⁵.

Кальвинистская евхаристология проникла и на православный Восток — оно содержится в «Исповедании веры...» 1629 г. Константинопольского Патриарха Кирилла (Лукариса). И именно борьбой с ересью кальвинизма было обусловлено соборное принятие Православной Церковью термина «пресуществление», состоявшееся на Иерусалимском Соборе 1672 г. и Константинопольском Соборе 1691 г. В частности, последний Собор подвергает противников термина «пресуществление» самым строгим каноническим прещениям; решения Собора были рецепированы Русской Православной Церковью и включены в Догматическое послание Патриарха Московского и всея Руси Адриана (см. Приложение № 5. С. 3–4; БТ. 2007. Сб. 41. С. 133–145). С этого времени термин «пресуществление» становится обычным термином в православной евхаристологии: он употребляется в официальных посланиях иерархов, синодально одобренных исповеданиях веры и догматических пособиях и проч.

Тем не менее, в XIX–XX веках некоторые православные богословы выразили сомнения в целесообразности употребления термина «пресуществление» (см. частичный перечень в

²⁵ Ср. в связи с этим слова свт. Филарета (Дроздова), митрополита Московского: «если бы кто отверз уста с таким мнением о Евхаристии, в каком дают клятву английские короли, надлежало бы, хотя бы одному против всех, поднять спор за истинное Тело Христово и истинную Кровь Христову и за сохранение душами истинной веры в Таинство “Божественной Пищи”» (Письма к А. Н. Муравьеву, 152).

одном из представленных отзывов на документ православно-лютеранской комиссии: Приложение № 1. С. 4–5). Большинству из них термин «пресуществление» казался, во-первых, ненужным заимствованием из католического богословия; во-вторых, недопустимой попыткой раскрыть тайну Евхаристии и рационально объяснить то, как происходит евхаристическое преложение²⁶. Саму веру в существенное изменение евхаристических Даров большая часть этих богословов не отрицала; лишь прот. Сергей Булгаков разработал собственное евхаристическое учение, несовместимое с верой в существенное изменение Даров (ему также последовало несколько исследователей — как православных, так и инославных, — некритически принявших богословское творчество прот. Сергия за аутентичное изложение традиционного православного богословия).

Нельзя, однако, не отметить, что употребление в православном богословии термина «пресуществление» не является ни рациональным объяснением Евхаристии, ни попыткой объяснить ее тайну. В «Послании восточных Патриархов», основанном на Деяниях Иерусалимского Собора 1672 г., подчеркнуто: «Веруем, что словом *пресуществление* **не объясняется образ**, которым хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Господню, ибо сего нельзя постичь никому, кроме Самого Бога, и усилия желающих постичь сие могут быть следствием только безумия и нечестия; но [этим словом] показывается только то, что хлеб и вино, по освящении, предлагаются в Тело и Кровь Господню не образно, не призывком благодати, не сообщением или наитием единой Божественности Единородного, и не случайная какая-либо принадлежность хлеба и вина предлагается в случайную принадлежность Тела и Крови Христовой, каким-либо изменением или смешением, но, как выше сказано, истинно, действительно и существенно хлеб бывает самым истинным Телом Господним, а вино — самой Кровью Господней»²⁷.

Противопоставление «православно-святоотеческого» термина «преложение» «схоластически-аристотелевскому» термину «пресуществление» не находит себе реального

²⁶ Можно отметить, что позиции подавляющего большинства православных критиков «пресуществления» так или иначе восходили к взглядам А. С. Хомякова. В частности самом конце XIX в. один из последователей славянофильства, А. А. Киреев, открыл в богословской прессе того времени большую дискуссию об этом термине (см. резюме дискуссии в аппарате к: Малиновский Н., *прот.* Православное догматическое богословие. Сергиев Посад, 1909. Т. 4. С. 151–182), итогом которой стало подтверждение православности этого термина. Ключевым аргументом, поставившим точку в полемике, явилась статья В. Я. Малахова, будущего священномученика Василия, «Пресуществление Св. Даров в таинстве Евхаристии» (Богословский вестник. Сергиев Посад, 1898. Т. 2. №6. С. 298–320; №8. С. 113–140).

В 1916 году с разрушительной критикой богословских и философских взглядов славянофилов — в том числе, отрицания А. С. Хомяковым термина «пресуществление» — выступил свящ. Павел Флоренский (Богословский вестник. Сергиев Посад, 1916. Т. 2. №7–8. С. 516–581); примечательно, что даже возразивший ему Н. А. Бердяев в своей заметке «Хомяков и священник Флоренский», напечатанной в 1917 г., был вынужден признать, что «в вопросе о таинствах он [Флоренский] более прав, чем Хомяков».

²⁷ Догматические послания православных иерархов XVII–XIX веков о Православной вере. Троице-Сергиева Лавра, 1995. С. 180–181.

подтверждения. Сугубо аристотелевским является, наоборот, как раз термин «преложение», μεταβολή, тогда как слово «пресуществление», μετουσίωσις ни разу не встречается ни только у Аристотеля, но и вообще у античных авторов, насколько можно судить по поиску в базе Thesaurus Linguae Graecae и сведениям авторитетного словаря Генри Лиддела, Роберта Скотта и Генри Джонса. Первое употребление слова μετουσίωσις на греческом Востоке зафиксировано у св. Леонтия Византийского, причем в близком к евхаристическому контексте — когда он говорит о превращении воды в кровь при Моисее²⁸ — а широко употребляться православными авторами он начал в эпоху паламитских споров (так, в неевхаристических контекстах он не раз встречается в сочинениях ученика и сподвижника свт. Григория Паламы, Патриарха Константинопольского свт. Филофея (Коккина)). Таким образом, противопоставление аристотелевского (и языческого по происхождению) термина μεταβολή христианскому термину μετουσίωσις, как якобы схоластически-аристотелевскому, — некорректно.

Именно поэтому участник первого заседания православно-лютеранской комиссии по богословскому диалогу, которое также было посвящено Евхаристии, еп. Астраханский и Енотаевский Михаил отмечал в своем докладе: «Учение Православной и Римско-Католической Церквей по этой [евхаристической] проблеме практически одно и то же. Попытки найти существенное различие между двумя учениями на базе применения терминов “пресуществление” (transsubstantiatio) на Западе и “претворение” или “преложение” на Востоке следует отнести на счет полемического задора, ибо никто еще никогда не мог указать, в чем именно состоит различие между этими словами. Раскрытие их содержания всегда доказывало их синонимичность»²⁹.

Позиция о твердом следовании Русской Православной Церкви вере в сущностное изменение евхаристических Даров была многократно озвучена в ходе диалогов с лютеранами. Так, по результатам первого собеседования в рамках этого диалога, проходившего в г. Турку с 19 по 22 марта 1970 года, было принято Резюме, в котором утверждалось расхождение в понимании лютеранами и православными «истины... о существенном присутствии в Евхаристии Богочеловека Христа Его Телом и Кровью под видом хлеба и вина»³⁰; с православной стороны документ был подписан возглавлявшим русскую делегацию епископом Дмитровским Филаретом, ректором Московской Духовной Академии (ныне — митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх Всея Беларуси, Председатель Синодальной Богословской комиссии). В приложенном к документу докладе епископа Астраханского и Енотаевского Михаила сказано буквально следующее: «В то время как исторические Церкви — Православная, Римско-Католическая и дохалкидонские — исповедуют реальное

²⁸ PG. 86. Col. 1772, 1801.

²⁹ БТ. 1971. Сб. 7. С. 229. Прим. 1.

³⁰ БТ. 1971. Сб. 7. С. 213.

пресуществление хлеба и вина в истинное Тело и истинную Кровь Иисуса Христа, протестантские Церкви при всем разнообразии их евхаристических доктрин, отрицают субстанциальный, вещественный характер присутствия Тела и Крови под видами хлеба и вина»³¹.

По результатам второго собеседования, проходившего в Троице-Сергиевой лавре с 12 по 16 декабря 1971 года, было принято Резюме, подписанное с православной стороны архиепископом Дмитровским Филаретом, ректором Московской Духовной Академии и семинарии; в Резюме говорилось следующее: «Согласно православному учению, хлеб и вино в Евхаристии существенно прелагаются в Тело и Кровь Христову. Это существенное изменение остается в Святых Дарах неотъемлемо и независимо от их употребления»³². На собеседовании «Арнольдсхайм-VI», проходившем в Троице-Сергиевой Лавре с 26 по 29 ноября 1973 года, было особо подчеркнуто «твердое следование» Русской Православной Церкви «учению о пресуществлении»³³.

Наконец, резюмируя целый ряд подобных встреч, Алексей Ильич Осипов, профессор Московской Духовной Академии, писал: «Для выражения сущности Евхаристии православное богословие употребляет слова “Преложение”, “Претворение”, “Пресуществление”»³⁴.

Итак, на протяжении многих лет православная сторона диалога раз за разом подчеркивала свое твердое следование вере в существенное изменение евхаристических Даров в Тело и Кровь Христовы. В рассматриваемом же документе православная сторона неожиданно и без всякой подобающей этому шагу аргументации изменила свое мнение.

³¹ Там же. С. 229.

³² ЖМП. 1972. № 2. С. 57; БТ. 1973. Сб. 11. С. 164; ЖМП. 1980. № 8. С. 60.

³³ ЖМП. 1974. № 1. С. 55–68.

³⁴ ЖМП. 1980. № 9. С. 64.